Кора Антарова
Две Жизни

Кора Антарова. (Конкордия Евгеньевна Антарова)

Оккультый роман, весьма популярный в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

Книга "Две жизни" записана Конкордией Евгеньевной Антаровой через общение с действительным Автором посредством яснослышания – способом, которым записали книги "Живой Этики" Е.И.Рерих и Н.К.Рерих, "Тайную Доктрину" – Е.П.Блаватская. Единство Источника этих книг вполне очевидно для лиц, их прочитавших. Учение, изложенное в книгах "Живой Этики", как бы проиллюстрировано судьбами героев книги "Две жизни". Это тот же Источник Единой Истины, из которого вышли Учения Гаутамы Будды, Иисуса Христа и других Великих Учителей.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека.

Книга, первоначально предназначавшаяся для очень узкого круга учеников, получавших через К.Е.Антарову руководство Великих Учителей

Часть 1

Оккультый роман, весьма популярный в кругу людей, интересующихся идеями Теософии и Учения Живой Этики. Герои романа – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении. По свидетельству автора – известной оперной певицы, ученицы К.С.Станиславского, солистки Большого театра К.Е.Антаровой (1886-1959) – книга писалась ею под диктовку и была начата во время второй мировой войны.

Книга "Две жизни" записана Конкордией Евгеньевной Антаровой через общение с действительным Автором посредством яснослышания – способом, которым записали книги "Живой Этики" Е.И.Рерих и Н.К.Рерих, "Тайную Доктрину" – Е.П.Блаватская. Единство Источника этих книг вполне очевидно для лиц, их прочитавших. Учение, изложенное в книгах "Живой Этики", как бы проиллюстрировано судьбами героев книги "Две жизни". Это тот же Источник Единой Истины, из которого вышли Учения Гаутамы Будды, Иисуса Христа и других Великих Учителей.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека.

Книга, первоначально предназначавшаяся для очень узкого круга учеников, получавших через К.Е.Антарову руководство Великих Учителей

Об авторе

Перед Вами, читатель, оккультный роман, который впервые выходит в свет спустя почти 35 лет после смерти автора. Он принадлежит перу К.Е.Антаровой, одной из тех самоотверженных русских женщин, чья жизнь была служением красоте и знанию.

Кора (Конкордия) Евгеньевна Антарова родилась 13 апреля 1886 года, в то счастливое

для творческих натур время, когда занимался серебряный век русской культуры. А природа щедро наделила её талантами – в том числе прекрасным голосом, контральто редкого обаяния. Поэтому одновременно с занятиями на историко-филологическом факультете Высших женских курсов (знаменитых Бестужевских курсов), она оканчивает Петербургскую консерваторию, берёт уроки пения у И. П. Прянишникова – организатора и руководителя первого в России оперного товарищества; в 1908 г. её принимают в труппу Большого театра. На этой известной всему миру сцене К.Е. Антарова проработала почти тридцать лет.

Мы можем только догадываться, насколько важную роль в её жизни сыграла встреча с К. С. Станиславским: в течение нескольких лет он преподавал актёрское мастерство в музыкальной студии Большого театра, ни на минуту не забывая о главной своей цели – расширять сознание учеников, пробуждая в них духовность. Прямое свидетельство тому – книга "Беседы К. С. Станиславского в Студии Большого театра в 1918-1922 гг. Записаны заслуженной артисткой РСФСР К.Е.Антаровой". Конечно, когда молодая ученица гениального режиссёра от раза к разу кропотливо и благоговейно вела стенографическую запись занятий, подготовив потом на их основе книгу, впервые увидевшую свет в 1939 г. и выдержавшую несколько изданий, у К.Е.Антаровой не было ещё никаких артистических званий. Но она обладала истинной культурой духа, сердце имела чистое и вдохновенное, благодаря чему только и могла стать учеником в подлинном смысле слова.

Главные действующие лица романа "Две жизни" – великие души, завершившие свою духовную эволюцию на Земле, но оставшиеся здесь, чтобы помогать людям в их духовном восхождении, – пришли к К.Е.Антаровой, когда бушевала вторая мировая война, и этот контакт продолжался многие годы.

К.Е.Антарова умерла в 1959 г., затем рукопись хранилась у Елены Федоровны Тер-Арутюновой (Москва), считающей её своей духовной наставницей. Хранительница рукописи никогда не теряла надежды увидеть роман опубликованным, а до той поры знакомила с ним всех, кого находила возможным. И потому можно сказать, что этим романом зачитывалось уже не одно поколение читателей.

Мы сердечно благодарим Е.Ф.Тер-Арутюнову, которая предоставила рукопись романа в распоряжение Латвийского общества Рериха, за доброе напутствие книге, начинающей свою новую жизнь.

Глава I. У моего брата

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далёкой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня "дедушкой", но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место, поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что я конфужусь всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Было мне лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану М-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле мною невиданное; широкие улицы с тенистыми аллеями из высочайших развесистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка проедет шагом на осле купец на базар. Пройдёт группа женщин, укутанных в чёрные сетки и белые или тёмные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных; от базара далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нём один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в моё распоряжение.

Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название "зала".

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат снизу доверху были

заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединённой жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрёстках; в толпе снующей, говорливой, пёстро одетой в разноцветные халаты я словно бы оказался в Багдаде и всё воображал, что где-то совсем рядом проходит Алладин с волшебной своей лампой или бродит никем неузнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной экзальтированностью, казались мне загадочными и манящими.

Однажды, бродя рассеянно от лавки к лавке, я вздрогнул, как от удара электрического тока, и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно чёрные глаза очень высокого, средних лет человека, с густой короткой чёрной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и его синие, почти фиолетовые глаза также пристально разглядывали меня.

Высокий брюнет и юноша, оба были в белых чалмах и пёстрых шёлковых халатах. Их осанка и манеры резко отличались от всего окружающего; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я всё стоял, как заворожённый, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз.

Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролётке и отъезжали от базара. Молодой сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла всё, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

"Кто бы это мог быть?" – думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошёл мимо лавки и, наконец, решился спросить хозяина:

– Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

– Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, – хитро улыбаясь, сказал он. – Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий чёрный люди?

– Да, да, – поспешил я согласиться. – Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу: Кто они такие?

– Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, – оуяй, – виноградник! Ба-альшой торговля ведёт с Англия.

– Но как же его зовут? – продолжал я.

– Ой-я, – засмеялся хозяин. – Вся горишь, знакомиться хочешь? Он – Мохаммед Али. А молодой – Махмуд Али.

– Вот как, оба Магометы?

– Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник – Махмуд.

– Они здесь живут? – продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтоб только выиграть время и выведать ещё что-нибудь о поразивших меня незнакомцах.

– Что смотришь? Халат хочешь? – подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

– Да, да, – обрадовался я предлогу. – Покажите, пожалуйста, мне халат. Я хочу сделать подарок брату.

– А кто твой брат? Какой ему вкус?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чём другом, как в кителе или пижаме, пока ещё не видел его.

– Мой брат – капитан Т., – сказал я.

– Капитан Т.? – вскричал с восточным азартом купец. – Я его хорошо знай. Ему уже есть семь халатов. На что ему ещё?

Я был смущён, но, скрыв своё замешательство, храбро сказал:

– Он их все раздарил.

– Вот как! Наверное, друзьям в Петербурге посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат!

И купец достал из-под прилавка чудесный розового тона халат с серовато-лиловыми матовыми разводами.

– Такой мне не подойдёт, – сказал я.

Купец весело рассмеялся.

– Конечно, не подойдёт; это женская халат. Я тебе дам вот, – синий.

И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат. Халат был несколько пестроват; но тон его, тёплый и мягкий, мог понравиться брату.

– Не бойся, бери. Я всех знаю, Твой брат – приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат – ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

– Да кто же он, этот Али?

– Я же сказал, – большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, – ответил хозяин.

– Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, учёный, – возразил я.

– Ой-я, учёный! Учёный он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой учёный.

– А где живёт Али, вы не знаете?

Купец бесцеремонно ударил меня по плечу и сказал:

– Ты, видать, здесь мало живёшь. Али дом – напротив твой брат дом.

– Напротив дома брата очень большой сад, обнесённый высокой кирпичной стеной. Там всегда мёртвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, – сказал я.

– Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдёт замуж. Если ты сказал, Али Махмуд красавец, – ой-я! Сестра – звезда с неба! Косы до пола, а глаза – ух Купец развёл руками и даже захлебнулся.

– Как же вы могли видеть её? Ведь по вашему закону покрывала нельзя снимать перед мужчинами?

– Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: "Уеду". Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошёл домой. Шёл я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал, наконец, свою улицу.

Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у неё глаза: чёрные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шёл, глядя под ноги, и внезапно услыхал: "Левушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать".

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы, а ещё яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, тёмные брови... Я впервые разглядел, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щёки и сунул ему в руки халат.

– Это тебе халат. А твой Али причиной, что я совсем оторопел и заблудился, – сказал я со смехом.

– Какой халат? Какой Али? – с удивлением спросил брат.

– Халат номер 8, который я тебе купил в подарок. А Али номер 1, твой друг, – ответил я, всё продолжая смеяться.

– Ты напоминаешь маленького упрямца Левушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам всё ещё жива в тебе, – улыбаясь своей широкой улыбкой,

необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. – Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный девичий глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

– Подожди, – сказал он, – едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

– Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, – сказал мне брат. – Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться ещё два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колёс на мягкой немощёной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой шла простая телега. В ней сидели две укутанные женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук.

Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами.

И, наконец, на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем, телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

– Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, – шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролётка, запряжённая прекрасным вороным конём, и в ней сидели две женщины с закрытыми чёрной сеткой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, в белом, и за ним, в такой же длинной белой одежде Али Махмуд. Глаза Али старшего, почудилось мне, пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: "мы открыты", но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Ещё через мгновение Али старший подошёл к экипажу, и .. маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущённо улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались тёмные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся ему на шею девушку и, как ребёнка, понёс её в дом.

Между тем Али молодой почтительно высаживал всё ещё ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот. Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролётка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы всё ещё стояли, забыв место, время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясён. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьёзно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно незнакомого мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию.

Я не мог опомниться всё смотрел на этого чужого, незнакомого мне человека.

– Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? – вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул, – от неожиданности не понял даже вопроса, – и увидел перед собою высоченную фигуру Али старшего, который, смеясь, протягивал мне руку. Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке побежала тёплая струя энергии.

Я молчал. Мне казалось, что ещё никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки.

Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, всё же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку, – и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я точно стоя заснул.

– Ну, пойдём же домой, Левушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? – услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али.

Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое, с детства знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил.

Привычка с детства, привычка видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к братуотцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

– Как мне хочется спать; как я устал, точно прошёл вёрст двадцать!

– Очень хорошо, сейчас пообедаем и можешь лечь часа на два. А потом пойдём в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведёт европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, и это целая революция для здешних мест. Много уж раз ему угрожали муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев всяческими гонениями. Но он всё так же ведёт свою линию. Все, до последнего слуги, в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются поднять религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновок и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать.

Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость.

Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту, восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко восточная хитрость торжествовала над их проницательностью, восточный торговец зачастую расплачивался за свой обман. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика, такой смешной фарс разыгрывался над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссёр мог бы позавидовать их фантазии.

Надо сказать, что злых шуток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный ему халат.

Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шёл к его золотым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль – "а мне никогда красавцем не бывать".

– Как удачно ты это купил, – сказал брат. – Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно надену вечером, когда пойдём в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в "туалетную", как важно зовёт денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

– Как, – вскричал я с удивлением, – разве мы пойдём туда ряжеными?

– Ну зачем же "ряжеными"? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же дразнить их европейским платьем.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нём оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

– Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь халатов, начиная с ситцевого и кончая шёлковым. Кто богаче, носят три-четыре шёлковых; кто беден, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько, друг на друга.

– Мой Бог, – сказал я, – да ведь в этакую жарищу, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

– Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна на другую не даёт возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, – сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шёлковых халата. – Очень уж истово, как полагается по здешнему обряду, мы одеваться не будем. Но по четыре халата наденем. Я очень тебя прошу, надень и походи, попривыкни. А то, пожалуй, вечером, по своей рассеянности, ты действительно будешь казаться "ряженым" и сконфузишь нас обоих, – продолжал брат, видя, что я всё ещё держу в нерешительности поданные мне халаты в руках.

Не особенно горя желанием облачиться в восточный наряд, но никак не желая огорчить любимого брата, я быстро разделся и стал натягивать халаты.

– Но они узки, какие же это халаты? Это нелепые перчатки, – закричал я, начиная раздражаться.

– Их надо застегнуть, вот здесь крючок, а здесь пуговица, – сказал спокойно брат и лёгкими, гибкими пальцами сам застегнул на мне халаты.

– Теперь, Левушка, успокойся и надень этот зелёный халат; он пошире, его тоже надо застегнуть, В нём есть и карманы. А сверху надень ещё этот широкий, серый с красными разводами, – и опять очень ловко он помог мне одеться.

– Да, и обувь ещё, – сказал он. – У Али принят полуазиатский туалет, так что и мы с тобой можем явиться в европейских туфлях, но сверх них надо надеть кожаные калоши, которые оставляются у дверей. Иначе придется идти в одних чулках. Ни в мечеть, ни в дом не входят в уличной обуви.

Мы выбрали калоши мне по ноге, их тоже оказалось у брата несколько пар.

– Пройдём в спальню, там выберем тебе чалму.

– Как чалму? На кого же я буду похож? Я и так-то красой не блещу! Помилуй, Николушка, иди уж лучше один, – взмолился я. Брат расхохотался:

– Да ведь покорять сердце прелестной племянницы Али ты не собираешься? А из твоих приятельниц или приятелей никто тебя не увидит. Чего же тебе огорчаться, если восточный туалет тебя не украсит? Впрочем, – прибавил он, подумав, – если хочешь, я смогу сделать тебя неузнаваемым. Я тебе приклею длинную седую бороду, и ты сможешь сойти за важного купца.

– Ещё того чище! – воскликнул я. – Да этак, пожалуй, мне придется вспомнить, что меня считают неплохим любителем-актёром!

– Если ты сумеешь сегодня сыграть роль хромого старика, ты, пожалуй, увидишь очень интересные и не совсем обычные вещи. Но вот жаль, у меня нет второй белой чалмы, чтобы

сделать тебе белый тюрбан.

В эту минуту раздался лёгкий стук в дверь. Брат подошёл к двери, и я услышал его приятно удивлённое восклицание:

– Это вы, Махмуд! Войдите. Я как раз занят нарядом брата к вечеру. Хочу сотворить из него старого купца с седой бородой.

– А я принёс белую чалму и камень. Дядя просит вашего брата принять их как подарок от Наль в день её совершеннолетия, и он подал мне свёрток и футляр.

– А это вам от Наль, и он подал брату два свёртка и два футляра. – Не забудьте, что вам нужно хромать на левую ногу и крепко опираться на палку правой рукой. А левой почаще гладить бороду, если вы хотите сыграть роль старого купца. У меня есть такой знакомый в Б. очень важный человек/ – говорил мне Али молодой. Он улыбался, алые прелестные губы обнажали чудные зубы, а фиолетовые его глаза пристально не по летам серьёзно – смотрели на меня.

Кивнув нам головой и приложив, по восточному обычаю, руку ко лбу и сердцу, Али так же бесшумно скрылся, как и вошёл.

Я развернул свой свёрток, и оттуда выпал кусок тончайшей белой материи. Любопытство моё было так возбуждено, что, даже не подобрав упавшего шёлка, я раскрыл футляр, и у меня вырвалось восклицание восторга и удивления.

Прекрасной работы брошь с крупным выпуклым рубином и несколькими бриллиантами, перевитая змеей из тёмного золота и жемчуга, сверкала в полутёмной комнате, и я не мог оторвать от неё глаз.

Брат поднял оброненную мною материю и, рассматривая булавку вместе со мною, сказал:

– Али старший посылает тебе от имени племянницы белую чалму – эмблему силы; и красный рубин – эмблему любви. Этим он причисляет тебя к своим друзьям.

– А что же тебе посылает он? – полюбопытствовал я.

Брат развернул свёрток побольше, и в нём оказался тончайший белый халат из никогда невиданной мною материи, похожей на белую замшу, но по тонкости равной папиросной бумаге. К нему была приложена записка на арабском языке, которую брат спрятал не читая в карман. Во втором свёртке была такая же чалма, как моя, только в самом её начале синим шёлком, арабскими буквами, была выткана во всю ширину чалмы – а она была чрезвычайно широка – какая-то фраза. Я мало обратил внимания и на записку и на арабскую фразу; мне хотелось скорее увидеть содержимое футляров брата.

"Если мне он шлёт привет силы и любви, то что же он посылает Николушке?" – думал я.

Наконец, брат свернул осторожно свою чалму, спрятал её в ящик бюро и открыл футляр побольше. Оттуда сверкнули крупные бриллианты в форме треугольника, внутри которого овальной формы выпуклый изумруд сиял голубовато-зелёным светом.

В маленьком футляре оказался перстень с таким же овальным выпуклым изумрудом в простой платиновой оправе.

– Вот так совершеннолетие Наль! – почти закричал я. – Если всем своим друзьям Али рассылает в этот день такие подарки, то уж наверное половину своего виноградника, который так расхваливал мне купец в торговых рядах, он раздаст сегодня. И зачем мужчинам эти брошки? Это чудесные украшения для женщин, но ведь Али знает, что мы с тобой не женаты.

– Этими булавками мы заколем наши чалмы над самым лбом. Огромная честь получить такую булавку в подарок; и её далеко не всем оказывают на Востоке, – ответил брат. – Али живёт здесь лет десять; сам он родом откуда-то из глубин Гималаев, и все восточные обычаи гостеприимства и уважения к дружбе чтятся в его доме.

Время быстро летело. Сумерки уже сгущались, и вскоре должна была наступить мгновенно опускающаяся здесь ночь.

– Пора начинать твой грим, а то мы можем оказаться невежливыми и опоздать.

С этими словами брат выдвинул ящик бюро, и .. я ещё раз обмер от удивления.

– Ну и ну, – сказал я. – Почему же ты ни разу не писал мне, что играешь в любительских спектаклях?

Весь ящик был полон всяческого грима, бород, усов и даже париков.

– Нельзя же всё написать, а ещё менее возможно всё рассказать в несколько дней, – усмехаясь, ответил брат.

Он посадил меня в кресло и, как заправский гримёр, приклеит мне бороду и усы, протерев предварительно всё лицо какой-то бесцветной жидкостью с очень приятным запахом, освежившей моё горевшее от непривычного солнца лицо.

Коричневым карандашом он провёл под моими глазами два-три лёгких штриха. Какой-то жидкостью перламутрового цвета прикоснулся к моим густым тёмным бровям. Смазал каким-то кремом губы и сказал:

– А теперь чуть-чуть подравняю твои кудри, чтобы чёрные волосы не выбились из-под чалмы. Садись сюда. – И с этими словами он усадил меня на табурет.

Мне, признаться, жаль было моих вьющихся волос, которые я справедливо считал единственным своим козырем. Но в жару так приятно иметь коротко остриженную голову, что я сам попросил остричь меня под машинку. Вскоре голова была острижена, и я хотел встать с табурета. – Нет, нет, сиди, Левушка. Я сейчас обовью твою голову чалмой.

Я остался сидеть, брат развернул чалму, оказавшуюся длиннее, чем я предполагал, беспощадно стал скручивать её жгутом и довольно быстро, ловко, крепко, но без малейшего давления где-либо замотал всю мою голову.

– Голова готова; теперь ноги. Надевай эти длинные чулки и туфли, – сказал он, достав мне из картона в углу белые чулки и довольно простоватые на вид туфли.

Я всё это надел и встал на ноги; но сразу почувствовал какую-то неловкость в левой туфле. Невольно я как-то припал на левую ногу, а брат услужливо сунул мне в правую руку палку.

– Теперь ты именно тот немой, глухой и хромой старик, которого тебе надо изобразить, – засмеялся брат.

Я разозлился. От непривычной бороды мне было жарко; жидкость, которой было смазано моё лицо, – вначале такая приятная, – сейчас отвратительно стягивала кожу; ноге было неудобно и, вдобавок ко всему, я ещё, оказывается, немой и глухой.

Со свойственным мне нетерпением я хотел раскричаться и заявить, что никуда не пойду; и уже приготовился сорвать бороду и чалму, как дверь беззвучно отворилась, и в ней появилась высоченная фигура Али старшего.

Два агатовых глаза положительно парализовали меня. Чалма так плотно прикрывала мне уши, что я ровно ничего не слышал, о чём говорил он с братом.

На нём был надет почти чёрный, – так густ был синий цвет, – халат; а под ним сверкал другой, яркий малиновый, плотно прилегавший к телу. На голове белая чалма и большая бриллиантовая брошь, изображавшая павлина с распущенным хвостом...

Приветливо и ласково улыбаясь, он подошёл ко мне с протянутой рукой. Когда я подал ему руку, он пожал её; и опять по всему моему телу пробежал ток теплоты и на этот раз не сонной лени, а какой-то радости.

Али снял со своего пальца кольцо с красным камнем, на котором был вырезан лев в обрамлении каких-то иероглифов. Наклонившись к самому моему уху, он сказал:

– Это кольцо откроет вам сегодня все двери моего дома, куда бы вы ни захотели пройти. И оно же поможет вам, если когда-нибудь в жизни вы будете ранены и рана будет кровоточить.

Увлекшись кольцом, я не заметил, как рядом с Али выросла другая стройная, высокая фигура. Я даже не сразу понял, что в подаренном мною сегодня фиолетовом халате именно брат и стоит возле Али.

Я видел стройного восточного человека с сильно загорелым лицом, со светлой бородой и усами, на белой чалме которого сиял треугольник из бриллиантов и изумруда. Высок был

мой брат. Но рядом с высоченным Али он казался среднего роста.

– Посмотри на себя в зеркало, Левушка. Я уверен, что себя ты не узнаешь ещё определеннее, – со смехом обратился ко мне брат, очевидно заметив моё полное недоумение.

Я двинулся к зеркалу, совершенно естественно хромая в своей неудобной левой туфле.

– Вы отличный артист, – едва улыбнувшись, сказал Али. Но вся его фигура выражала такой заразительный юмор, что я расхохотался.

Смеясь, я вдруг увидел в зеркале очень смуглого, чуть-что не чёрного хромающего старика. Я оглянулся и вдруг услышал такой взрыв весёлого, раскатистого хохота Али и брата, что невольно обернулся и с удивлением посмотрел на них. Хохот их ещё усилился; между тем я случайно ещё раз взглянул в зеркало и снова увидел в нём смуглого араба-старика. С трудом я осознал, что этот чёрный – я.

Я поднёс руку к глазам, убедился, что не сплю, и спросил брата, почему же я такой чёрный Как это могло случиться? На мой вопрос он мне ответил:

– Это, Левушка, жидкость сделала своё дело. Но не тревожься. Завтра же ты будешь снова бел, ещё белее, чем всегда. Другая, такая же приятная жидкость смоет всю черноту с твоего лица.

– А теперь не забудьте, друг, что на весь этот вечер вы хромы, немы и глухи, – сказал, смеясь, Али. С этими словами он поправил на мне чалму, нахлобучив ее так, что теперь я уж и в самом деле не мог ничего слышать, но понял, что он предлагает мне взять его руку и идти с ним. Я посмотрел на брата, который успел привести комнату в полный порядок, он кивнул мне, и мы вышли на улицу.

Глава II. Пир у Али

На улице Али шёл впереди, я в середине и брат мой сзади. Моё состояние от удушливой жары, непривычной одежды, бороды, которую я всё трогал, проверяя, крепко ли она сидит на месте, неудобной левой туфли и тяжёлой палки стало каким-то отупелым. В голове было пусто, говорить совсем не хотелось, и я был доволен, что по роли этого вечера я нем и глух. Языка я всё равно не понимаю, и теперь мне ничто не будет мешать наблюдать новую незнакомую жизнь.

Мы перешли улицу, миновали ворота, по обыкновению крепко запертые, завернули за угол и через железную калитку, которую открыл и закрыл сам Али, вошли в сад.

Я был поражен обилием прекрасных цветов, издававших сильный, но не одуряющий аромат.

По довольно широкой аллее мы двинулись в глубину сада, теперь уже рядом, и подошли к освещенному дому. Окна были открыты настежь, и в большой длинной зале были расставлены небольшие, низкие круглые столики, придвинутые к низким же широким диванам, тянувшимся по обеим сторонам зала. Подле каждого столика стояло ещё по два низких широких пуфа, как бы из двух сложенных крест-накрест огромных подушек. На каждом пуфе – при желании – можно было усесться по-восточному, поджав под себя ноги.

Весь дом освещался электричеством, о котором тогда едва знали и в столицах. Али был яростным его пропагандистом, выписал машину из Англии и старался присоединить к своей, довольно мощной, сети своих друзей.

Но даже самые близкие друзья не решались на такое новшество, только один мой брат да два доктора с радостью осветили свои дома электричеством.

Пока мы проходили по аллее, навстречу нам быстро вышел Али молодой, а за ним Наль в роскошном розовом халате, который я тотчас узнал, с откинутым назад богатейшим покрывалом.

Не виданный мною прежде затканный жемчугом и камнями женский головной убор, перевитые жемчугом же тёмные косы лежавшие на плечах и спускавшиеся почти до полу; улыбающиеся алые губы, быстро говорившие что-то Али... Я хотел сдвинуть чалму, чтобы услышать голос девушки, но быстрый взгляд Али как бы напомнил мне: "Вы глухи и немы,